

В этот момент издалека донесся свет красных и зеленых огней, и знакомый рев мотора становился все ближе.

Сунь Юй развернулся, словно вспомнив, что велосипед Сюй Сина не подходит для перевозки пассажиров, и специально вернулся.

Возможно, качество кожаной куртки и штанов Сунь Юя было не самым лучшим, и они, казалось, немного сели, или, точнее, сжали пот, делая еще более заметным выпирающий участок ниже талии.

Это было настолько явно, что Сюй Син сразу заметил и чуть не ослеп.

Сунь Юй все еще был в шлеме, и его голос доносился изнутри:

— Эй, чуть не забыл, я возьму одного, а другой поедет на велосипеде. На вашем старом велосипеде с двумя пассажирами вы доберетесь только завтра утром, как раз к рассвету.

Он даже сам засмеялся.

Но в следующую секунду он перестал смеяться.

Чэнь Ли подошел, не сказав ни слова, схватил его за воротник кожаной куртки и стащил с байка, затем подтолкнул велосипед Сюй Сина к нему.

Сунь Юй стоял в шлеме, держа велосипед, настолько пораженный действиями Чэнь Ли, что не мог сразу понять, что происходит. Только когда Чэнь Ли сел на его байк, а Сюй Син устроился сзади, он начал соображать:

— Эй? Что-то не так.

Потом, до него дошло:

— Эй! Мой байк! На каком основании ты забираешь мой байк!

Чэнь Ли, с длинными ногами и руками, слегка наклонился вперед, управляя байком, его черные волосы развевались на ветру, а черные глаза смотрели вперед. Он нажал на газ, и в реве мотора он выглядел как леопард, готовый к прыжку.

Этот леопард, забрав байк и взяв с собой своего простодушного брата, даже не взглянул на Сунь Юя, развернулся и умчался.

Оставив Сунь Юя стоять с велосипедом и вдыхать выхлопные газы.

Сунь Юй подумал, что, должно быть, его сгубила жара, поэтому он не смог сразу среагировать и позволил новичку забрать его байк.

Он яростно крикнул в сторону удаляющегося байка:

— Я тебя, блин!

Прокричав, он стоял в замешательстве полминуты.

Затем вспомнил, что его телефон был в багажнике байка, и, оставшись без помощи ночью, у него не было выбора, кроме как использовать этот старый велосипед. Он попытался сесть на

него, но кожаные штаны были настолько тугими, что он не мог поднять ногу, чтобы сесть. Его попытка сесть на велосипед застопорилась, и ему пришлось начать заново.

Но этот велосипед был ни мужским, ни женским, с прямой перекладиной спереди, которая была почти на уровне сиденья.

Сунь Юй, в шлеме, внимательно посмотрел на нее, затем, убедившись, что вокруг никого нет, попытался перебросить ногу через руль, но штаны снова сжали его, и он прямо задел мужское достоинство. Боль заставила его быстро снять ногу с перекладины.

Не ожидая, что простая поездка на велосипеде окажется настолько сложной, он снова попытался, на этот раз встав на цыпочки, оберегая пах, и, наконец, аккуратно взобрался на велосипед. Он начал крутить педали, и в скрипе колес выехал на дорогу.

Но сиденье, как оказалось, было кожаным и скользким. С каждым нажатием педали его округлые ягодицы, подчеркнутые тугими штанами, скользили вперед, каждый раз ударяясь о седло, а один раз даже задев его до сих пор нетронутое сокровище...

Черт! Как Сюй Син вообще ездил на этом велосипеде? У него что, кожа не стиралась?

Сунь Юй продолжал ехать, и в конце концов сам рассмеялся, его голос доносился из шлема, и он снова ругался:

— Черт возьми!

Лю Ситун, возвращаясь с работы на электрическом скутере, проехала мимо и не могла не обернуться, увидев эту сцену.

Она увидела мужчину в черном, в шлеме, с трудом сидящего на велосипеде, скользящего на сиденье и смеющегося самому себе.

Лю Ситун не узнала Сунь Юя и подумала: «Неужели стены психбольницы рухнули и всех выпустили?»

Сюй Син, когда Чэнь Ли открыто забрал байк, стал соучастником преступления.

Когда они уже далеко уехали, он начал медленно поучать Чэнь Ли:

— Брат, как ты мог так забрать чужой байк?

— Ты же знаешь, что мой велосипед не очень хороший, я сам на нем езжу, но другие не смогут. Сунь Юй ездит на мотоцикле, он точно не сможет ездить на велосипеде.

— Как он доберется?

— Мы все одноклассники, ты же видишь, он в такую жару натянул на себя столько одежды, чуть не задохнулся, а теперь толкает велосипед по дороге. Нельзя же заставлять его раздеваться на улице.

— Эй, это действительно слишком жестоко по отношению к Сунь Юю. Одноклассники должны быть дружелюбны друг к другу. Вот я помог тебе разобраться с Хан Вэем, а ты тоже должен стараться.

— Хорошо, в следующий раз не забирай чужой байк, контролируй свои эмоции и гнев,

понимаешь? Даже если ты хочешь что-то забрать, повторяй про себя: нельзя, нельзя, нельзя.

Сюй Син продолжал ворчать на ухо Чэнь Ли всю дорогу, и только когда они подъехали к бару, где их ждал Хань Вэньюй, Чэнь Ли вдруг повернул голову и сказал:

— Тогда зачем ты залез на байк? Слезай!

Сюй Син медленно ответил:

— Ты сам сказал мне сесть.

Чэнь Ли усмехнулся:

— Я сказал, и ты сел?

Сюй Син, сидя сзади, ответил:

— Да.

Чэнь Ли фыркнул:

— Я скажу тебе снять штаны, ты снимешь?

Сюй Син, который прожил на десять лет больше всех остальных, не боялся образованного неформала, и спокойно ответил:

— Сниму. Дай мне еще пять миллионов — сниму для тебя.

На этот раз Чэнь Ли промолчал, и Сюй Син почувствовал, что выиграл этот этап разговора.

У входа в бар они увидели Хан Вэй, который запирает свой велосипед. Он поднял взгляд и увидел, что с байка сошли не Сунь Юй, а Чэнь Ли и Сюй Син. Он удивился, подошел к байку и осмотрел его, словно ожидая увидеть еще одного Сунь Юя.

Он спросил Сюй Сина:

— Где третий?

Сюй Син ответил:

— Позади.

Хан Вэй удивился, почему Сунь Юй отдал им байк, но мужчины обычно не задумываются над такими вещами, и, услышав это, он не стал спрашивать дальше, а повел Сюй Сина и Чэнь Ли в бар.

Войдя в бар, Сюй Син огляделся и увидел, что бар выглядел точно так же, как в его воспоминаниях: уездный город, нонконформистский ремонт, без стиля и вкуса, в отличие от баров через десять лет, которые были полны буржуазного шарма, это было просто место, где собирались первые неформалы.

Чэнь Ли, рядом, даже не взглянул на танцпол, и они пошли дальше.

Обойдя танцпол, они прошли по коридору, и в конце открылась дверь, ведущая в маленький

внутренний дворик.

Дворик был простым, с кирпичными стенами и серой черепицей, ведущий к двухэтажному дому.

Эта структура напоминала дом Сун Фэя: спереди был магазин, а сзади жилой дом, но сейчас второй этаж был темным, а на первом горел свет.

Сюй Син вспомнил, что это был дом двоюродного брата Хань Вэньюя, и бар тоже был его. Хань Вэньюй, когда не хотел оставаться дома, приходил к своему брату.

Сюй Син кое-что помнил об этом, даже спустя много лет, оказавшись здесь, он легко вспомнил детали.

Они вошли во дворик и направились к освещенной комнате. Сюй Син шел рядом с Чэнь Ли и уже хотел напомнить ему вести себя прилично и не посылать Хань Вэньюя, но не успел открыть рот, как Чэнь Ли вдруг поднял голову и посмотрел вверх.

Сюй Син удивился:

— Что ты смотришь?

Чэнь Ли остановился, его лицо скрывалось в темноте, и он тихо сказал:

— Ты слышал?

Сюй Син:

— Что?

Взгляд Чэнь Ли метался в вышине, и скоро его взгляд застыл, устремившись в одну сторону.

<http://bllate.org/book/16663/1527776>